

26 сентября 1978 г., № 221.

Труды и дни Джорджа Гершвина

К 80-летию композитора

Более странную улицу, чем Тин-Пан-аллея, в Нью-Йорке, трудно было сыскать. В этом Джордж был уверен. Более странную улицу трудно сыскать во всем мире, убеждал он приятелей. На какой еще улице насчитаете вы триста магазинов? Нет, нет, перебивал он друзей, начинавших уже загибать пальцы, триста нотных магазинов... Странная улица была Тин-Пан-аллея, и на этой улице Джордж Гершвин работал.

Более странную музыку, чем музыка американская, трудно было сыскать в начале нынешнего века. Шотландские баллады, французские куплеты, венгерский чардаш, тарантелла, сохранившие еще привкус первобытного африканского искусства напевы негров — перемежались и спорили друг с другом. Америка заполнена была духовыми оркестрами, которые, зафрахтовав пароходики, гастролировали по всем рекам. И еще Америка заполнена была шлягерами — легкими, запоминающимися песенками, от которых все были без ума. Такую музыку и мечтал писать Джордж, но пока он работал в магазине Дж. Ремика на Тин-Пан-аллее. Было ему пятнадцать лет. Он был не просто продавец. Он был «сонг - плейгер» — продавец, который мог, по желанию покупателей, сыграть и спеть любую из песенок, ноты которых продавались в магазине Дж. Ремика.

Это были чудовищные песни. Изредка среди них попадались произведения больших мастеров: С. Фостера, Д. Кер-

на или И. Берлина, а, в общем, это были чудовищные песни, но их надо было продавать, и Джордж импровизировал на ходу и улучшал песню ровно на столько, чтобы ее можно было продать. Он улучшал чужие песни три года. Потом он написал свою.

Дебют состоялся. А через два года песенка «В нем что-то есть» стала истинным шлягером.

Гершвин пишет оперетты, ревю, обозрения для театров Бродвея, а вечерами пропадает в салунах Гарлема. Здесь были его музыкальные университеты, здесь он постигал афро - американскую музыку негров.

Кто знает, как долго продолжался бы этот процесс изучения, если бы не одно недоразумение. В случайном разговоре Поль Уайтман — руководитель крупнейшего в мире «симфонджаза» — предложил Гершвину написать что-нибудь для его оркестра. Гершвин согласился, потом забыл об этом и только из газет узнал, что «через месяц премьеры концерта Гершвина в оркестре П. Уайтмана».

И через месяц была создана прославленная «Голубая рапсодия». «Голубую рапсодию» восторженно приветствовали Рахманинов и Бернштейн, Стравинский и Орманди, Костелянец и Стоковский. Негритянские спиричуэлс, блюзы Нового Орлеана, напевы племен Аляски, жаргон салунов Гарлема вознеслись в «Рапсодии» в своеобразную, наперченную синкопическими ритмами музыкальную речь высочайшей симфонической культуры.

Америка была в восторге, но скептическая Европа Гершвина не признала. «Вязанкой тридцатидвухтактных шлягеров» назвал «Рапсодию» Прокофьев. Но уже через несколько лет программное произведение Гершвина «Американец в Париже» заставило склонить голову и Европу.

А веселый, жизнелюбивый, на все согласный композитор пишет тем временем оперу «Порги и Бесс». Еще в юности прочитал он книгу Дю Бос Хэйварда «Порги» и теперь широкоплечий силач Кроун, калека Порги, разъезжающий в тележке, запряженной козой, его подруга красавица Бесс заговорили страстным языком негритянской песни.

«Опера из жизни нигеров», — улюлюкали газеты. А согласный на все Гершвин создавал для исполнения оперы негритянский труппу. Сотни писем разгневанных южан засыпали письменный стол композитора, а согласный на все Гершвин сам расписывает партии для инструментов. После премьеры оперы критика безмолвствовала или негодовала, но публика приняла ее восторженно. Сегодня «Порги и Бесс» — классика.

«Тех, кого боги любят, они забирают к себе молодыми», — говорили древние. Джордж Гершвин умер тридцати восьми лет. «Композитор, открывший Америке музыку», говорят о нем. Композитор, открывший музыке Америку, можно добавить к этому.

Л. КАУРДАКОВ.